

Ну и рожа у тебя, Шараров

С. Говорухин. Великая криминальная революция. М., «Андреевский флаг»

Саратов

Роман Арбитман

епутат Государственной думы от ДПР Станислав Сергеевич Говорухин знаменит как политический деятель. Несколько менее он известен в качестве режиссера приключенческого кино («Место встречи изменить нельзя», «Десять негритя» и др.) и актера (уголовник Крымов в «Ассе» С. Соловьева). И почти совсем неизвестен как автор детективных киноповестей («Пираты XX века», «Тайны мадам Вонг» и пр.). Между тем его новая книга создана именно в этом, по-прежнему популярном жанре и, если верить «Книжному обозрению», уже которую неделю удерживается в списке московских бестселлеров — наряду со «Скелетом под подозрением» и «Станным разведчиком в шкафу».

Главный герой произведения — честный политический деятель, режиссер и сценарист Станислав Говорухин, ведущий собственное расследование в обстановке, максимально приближенной к боевой. А то и просто боевой.

Дадим слово герою.

«Маленькая страна... превратилась за два года в профессиональную скупщицу краденого...» (это пока об Эстонии).

«Искусство содержится на преступно нажитые капиталы...» (это — и далее — уже у нас).

«Весь город занимается тем, что грабит железнодорожные вагоны...»

«Екатеринбург... один из самых мафиозных городов России...»

«Я их знаю всех; это все мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит...»

Винюват, с последней цитатой ошибка вышла. Это не Говорухин, а голголевский Собакевич. Но продолжим.

«Контрабандистами стали все: от тракториста до директора оборонного предприятия...»

«Вскоре мы получим парламент, состоящий на две трети из ставленников криминальных структур...» (это писалось до выборов в Госдуму; каково теперь честному писателю среди жуликов?).

«Одного взгляда достаточно, чтобы понять: жулик...»

«Люди — мошенники. Все! Даже грудные младенцы...»

Прошу прощения, снова накладка. Это опять не Говорухин, а Министр-администратор из сказки Е.

Шварца «Обыкновенное чудо». Вот Говорухин:

«Грабят в основном дети и подростки...»

«Быстро криминируются дети и подростки...»

(Про грудных младенцев ничего плохого не сказано).

Станислав Сергеевич верен себе. Лет десять назад в уже упомянутых «Тайнах мадам Вонг» отрицательный зарубежный миллионер объяснял положительному комиссару полиции: «Вы думаете, что воюете с бандой?.. А вы воюете с государством!» (Действие, естественно, происходило не у нас). Десять лет спустя автор сам примеряет комиссаров ту JURKY, чтобы сделать тот же вывод уже применительно к нам: «Ворует вся страна». Куда там, мол, пиратской мадам с какой-то жалкой сотней-другой голворезов! Писатель, конечно, делает небольшую оговорочку. Дескать, есть некоторые у нас исключения, «в России осталось еще много честных людей». Но оговорка выглядит не очень убедительно. Все — так все. С самим собой не поспоришь.

Как видим, вопреки законам приключенческого жанра автор строит свое произведение на инверсии. В «Десяти негритях» зритель только в самом конце узнавал, кто же у Агаты Кристи преступник. (Помните, да? «Последний негритенок поглядеть устало. Пошел домой, повесился, и никого не стало»). В «Великой криминальной революции» преступник известен с самого начала: это все мы во главе с правителями, «самыми опасными особями в племени человекозверей». Сделав такой неутешительный вывод в самом начале, писатель почти всю оставшуюся книжную площадь отводит на поиски доказательств своей правоты.

Как и многие его коллеги, писатели-детективисты, автор берет примеры для своего повествования, в основном, из газетной уголовной хроники и из рассказов случайно подвернувшихся людей. Действительно, воруют, перепродают, вывозят. Печально, да. Полиция работает неважно? Да, гораздо хуже, чем Нью-Йоркская полиция. Но открыл ли что-то новое честный частный детектив Говорухин? Все, что присутствует в книге помимо газетных сенсаций, сопровождается опять-таки оговорками. Типа: «Говорят, и Глава администрации строит такую же (как у мафиози — Р. А.) дачу. Не видел, не решился...» Или: «Мы провели собственное расследование. Не профессиональное, конечно... Результат можно изложить только как версию...» Или просто: «Твердых доказательств нет».

Итак, «говорят», «не видел», «версия», «твердых доказательств нет». Хотите — поверьте на слово, что, например, «в ночь на 4 октября Гайдар и Шумейко обвиняли криминальные структуры». (Интересно все-таки, откуда Говорухин узнал? Гайдар пробтался? «Структуры» доложили?). Хотите — можете не верить. Все равно? вывод уже сделан; эпизодом больше, эпизодом меньше — какая разница. Факты — не такая уж упрямая вещь, писатель легко может их переупрямить. В конце концов, детективное произведение не есть документ. Никто ведь не требовал от С. Говорухина точных координат острова, где мадам Вонг припрятала краденое золото, — точно так же, как от братьев Вайнеров никто не требовал точного адреса «места встречи...». Между прочим, читатели романа Вайнеров «Ра милосердия», посмотрев экранизацию Говорухина, давно обнаружили небольшое, но принципиально важное этическое различие между фильмом и романом. В романе для авторов неприемлемо нарушение сыщиком Глебом Желловым закона, пусть и ради благого дела (сюжет с кошечкой Кирпича). В фильме это сочтено нормальными «издержками производства», ничего страшного. И Шараров, напоминая свой товару, что «закон — не кистень», выглядит беспомощным и глуповатым моралистом. Убежденность Глеба Желлова кажется несомненно разных там юридически безупречных доказательств. (Я все ждал, сошлется автор «Великой криминальной революции» на поучительный эпизод с Кирпичем. Точно, сослался, уже на стр. 48).

В новой книге С. Говорухина данная «желловская» тенденция оформляется очень четко, рассуждения подгоняются под априорный вывод. И хотя писатель (он же частный детектив) не дает прямого ответа на вопрос «что делать?», этот ответ «вычисляется» элементарно.

Ибо, с одной стороны: «Вор должен сидеть в тюрьме!.. Будет сидеть! Я сказал...» (Г. Желлов). С другой стороны: «Ворует вся страна», «страна воров», «уголовно-мафиозное государство» (С. Говорухин). «Кое-кто скажет, — мудро замечает писатель, — а сталинское государство разве не было уголовно-мафиозным? Нет».

Теперь-то становится понятно то странноватое для антикоммуниста и едва ли не монархиста сочувствие, которое на протяжении всей книги автор выказывает октябрьским мятежникам. Действительно, в те дни был немалый шанс восстановления справедливости «по Говорухину».

А именно: засадить за колючую проволоку всю страну.